

компонентов этого образа (мертвец, умирать и т.п.). Актуализация этих табу представлена в основном эвфемистическими заменителями центральных номинаций, выраженными другими ценностно-значимыми символами (небеса, мир, душа и т.п.). Декодирование таких перифраз требует наличия контекстуального сопровождения и знания культурных особенностей русской лингвокультуры.

Литература

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. – 3-е изд., стер. – М.: КомКнига, 2005. – 521 с.
2. *Зеленин Д. К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сб. музея антропологии и этнографии – 1929. – Т. VIII. – 152 с.
3. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – С.119.

В.А. Маслова

(Витебский государственный университет)

РУССКИЙ ЯЗЫК И РУСИСТИКА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается состояние русистики в XXI веке, а также проблемы, возникающие при функционировании русского языка в обществе. В докладе рассматриваются следующие проблемы - интегративность русистики с другими науками, позиции русского языка в регионах, и три чисто языковые проблемы - духовность языка, экология языка, русские ценности.

Ключевые слова: русистика, интегративность, духовность языка, ценности

V.A.Maslova

(Vitebsk State University)

RUSSIAN LANGUAGE AND RUSSIAN STUDIES IN NEW CONDITIONS: PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

Abstract. The article examines the state of Russian studies in the XXI century, as well as problems arising in the functioning of the Russian language in society. Russian studies integrativity with other sciences, the position of the Russian language in the regions, and three purely linguistic problems are considered in the report - the spirituality of the language, the ecology of the language, Russian values.

Keywords: Russian studies, integrativity, spirituality of language, values.

«Русская лингвокультура в эпоху глобализации» – одна из тем проблемного поля конференции. Но сегодня уже можно констатировать: глобализации приходит конец. Сейчас, наоборот, приходит мода на национальное и даже региональное, в противовес процессам глобализации в мире. В XXI веке во всем мире наблюдаются движение в защиту национального и регионального, т.е. на первый план в целом ряде наук – от экономики до лингвистики — выдвигается регион как основная административно-политическая и культурно-языковая единица. Разработка таких проблем в лингвистике закономерна в рамках общей большой проблемы варьирования языка в пространстве (ссылка на нашу монографию).

Поэтому наш разговор в докладе будет идти в русле величия русского языка, его особого положения среди других европейских языков. Мир изменился, ускорился, стал нестабильным и прозрачным, язык меняется вместе с миром. Русистам есть чем заниматься [Шаклеин 2010]. Проблем возникает много. Мы остановимся в докладе лишь на пяти важнейших проблемах: **интегративность русистики с другими науками, позиции русского языка в регионах, и три чисто языковые проблемы - духовность языка, экология языка, русские ценности.**

1. **Интегративность русистики с другими науками.** Считаем, что развитие русистики в рамках системно-структурной и даже функциональной парадигмы – тупиковый путь (Ажеж, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов и др.). Как известно, на протяжении почти двух веков лингвистика вообще и русистика в частности изучали «язык в самом себе и для себя», т.е. структуру языка, системные связи его единиц и, отчасти, функционирование. Но теперь стало ясно, что язык – самоорганизующаяся, самоопределяющаяся и динамичная система, которую невозможно регулировать, а можно лишь фиксировать и описывать не только в рамках своей системы. Тупик в анализе языковых фактов может быть преодолен выходом в другие области знания.

Согласно теореме Курта Геделя о неполноте, любая наука в процессе своего развития заходит в тупик без привлечения методов и результатов другой. Теперь уже нет сомнений, что с позиций системно-структурного языкознания нельзя объяснить сколь-нибудь сложных фактов: *Завтра сегодня станет вчера. Звание «Психолог года» в очередной раз получила водка* (М.Жванецкий). На первый взгляд, фразы лишены здравого смысла, но знание когнитивных категорий времени проявляют смысл первой, а народный способ лечения от многих болезней водкой – второй. Как видим, в лингвистику нужно привлекать данные когнитивистики, теории культуры и вообще опыт языковой личности, т.е. объединение лингвистики с целым рядом наук – социологией, семиотикой. Вместе они смогут внести определенный вклад в решение проблем мировосприятия и миропонимания, в понимание таких сложных феноменов, как язык, социум, культура, сознание, психика в их взаимодействиях. Именно лингвистика вкупе с другими науками позволит создать Новую герменевтику, в которой основополагающим будет не накопление информации, а ее понимание. Это уже начинают делать в «Сириусе», подобные сообщества молодежи планируют множить по всей России.

Одно время утверждалось, что выйти из тупика поможет коммуникативная лингвистика. И действительно, начиная со второй половины XX века, в ней стали появляться интересные теории – теория речевых актов, теория стратегий и тактик, теория речевых жанров, теория дискурса и др. Технологические изменения привели к формированию нового коммуникативного пространства. Оно постепенно вытесняет традиционные формы общения (межличностное общение, предполагающее разговор на любые темы с глазу на глаз, письма-размышления в бумажной форме и др.), что ведет к потере навыков традиционного общения у молодежи, а сама перегруженность информацией обострила проблему ее выбора и как результат – «цифровой аутизм», неумение жить без гаджетов, потеря личного пространства с вытекающими отсюда психологическими, интеллектуальными, коммуникативными проблемами.

Однако понять и объяснить язык со всеми его противоречиями коммуникативная лингвистика не может. Более того, даже в самой коммуникации осталось много необъяснимого. Например, почему молчание из простого речеповеденческого акта может превратиться в хозяина коммуникации? Молчание не отягощено словом и потому более свободно. Оно способно полнее передать смысл, а потому оно

становится важнее слова сказанного. Это момент, когда собеседники общаются душами. Человек настолько полно погружается в мир, что начинает понимать не только человека, но и зверя, травы, гор... Как заметил Б. Пастернак: *Есть в опыте больших поэтов // Черты естественности той, // Что невозможно, их изведав, // Не кончить полной немотой.* В молчании возникает как бы параллельный мир общения – обмен молчанием, которое как воронка затягивает в себя звук, рождая чистый смысл. Современные психолингвисты (Е.Ф. Тарасов) считает, что образы сознания вынужденно разрушаются в процессе речи, что и позволило великому поэту сказать: *Мысль изреченная есть ложь.*

Если молчание так значимо, то зачем мы тогда вообще говорим? На этот вопрос может быть много ответов, и один из них таков. И для общения, и для науки наступает эра интуитивизма, невербальных и внелогических связей. Это рождает интерес в русистике к глубинным знаниям, к религиозным знаниям и т.д., которые рождают чувство сопричастности грандиозным космическим процессам и позволяют узнать из языка больше, чем это дает логика языка. Решение названных проблем требуют междисциплинарных знаний. Способны решить их философия, объединившись с лингвистикой, психологией, социологией и рядом других, совершенно неожиданных знаний.

2. Позиции русского языка в регионах. Чтобы оценить ситуацию необходима статистика, наподобие той, которую приводят в своем Индексе специалисты из Института Пушкина (ссылка на индекс). Особое значение следует придавать регионам, в которых русский язык конкурирует с национальным языком.

По данным интернет-сайтов, во многих регионах России имеются научно-исследовательские лаборатории, занимающиеся изучением проблем региональной лингвистики. Это Волгоград, Красноярск, Магадан, Томск, Тюмень, Улан-Удэ, Чита и др. Появились отдельные работы, посвященные исследованию целых регионов, например, «Крайний Северо-Восток в зеркале региональной лингвистики» (под ред. А.А. Соколянского, Магадан, 2008.) появились словари региональной лексики – «Регионализмы г. Екатеринбурга», Екатеринбург, 2007; «Словарь современного русского города» (под ред. Б.И. Осипова, М., 2003). создан онлайн-словарь «Языки русских городов» (под рук. В.И. Беликова) и др. Анализ данной литературы подтверждает русскую пословицу *Что ни город, то норов.*

3. Духовность русского языка. Лингвистика вообще и русистика в частности и ранее интересовалась духовной сущностью языка. Так, о языке как «духовной деятельности», «имманентном произведении духа», который составляет саму природу человека, писали В. фон Гумбольдт, а позднее Г. Шпет. Язык – живое порождение духа, его главнейшая деятельность, лежащая в основе ряда других видов деятельности (искусство, философия, наука). По образному выражению В. Гумбольдта, языки это и орудия, необходимые для духовной деятельности, и колеи, по которым она совершает свое течение. Он писал: «В языке действуют творческие первосилы человека, его глубинные возможности, существование и природу которых невозможно постичь, но нельзя и отрицать... Язык – нечто большее, нежели инстинкт интеллекта, ибо в нем сосредоточивается не свершение духовной жизни, но сама эта жизнь» [Гумбольдт 1985; 143].

Традиционно считается, что язык – важнейшее средство общения, однако, думается, коммуникативная функция языка вторична, т.к. язык не очень хорошо приспособлен для общения: в нем много диффузности, омонимии, многозначности, инносказательности. Общение с Богом здесь должно стоять на первом месте. Именно

оно необходимо для адекватного видения мира. И тогда многое должно быть пересмотрено в теории языка. В общении человека с Богом и себе подобными «работают» разные функции. Как пишет протоиерей К.Копейкин, язык в общении с Богом выполняет «функцию прикосновения к тайне, к изначальным глубинам бытия, открывая человеку и необычайную высоту мира горнего, и исключительную глубину внутреннего пространства человеческой души» [Копейкин 2007; 4].

Такой подход свидетельствует в пользу расширения горизонтов лингвистики, о чем мечтал академик Ю.С. Степанов, говоря об интеграции науки, искусства и религии [Степанов 2010]. Он писал о мире и человеке, опираясь на взаимосвязь культуры, языка и религии. О **теоантропокосмической** парадигме как парадигме будущего говорит В.И. Постовалова [Постовалова 2012].

Поэтому можно сказать, что в лингвистике заложены традиции видения языка не просто как системы знаков или инструмента познания (когнитивная лингвистика), но и как духовной сущности. Как свидетельствует русский язык, русский человек – это духовное по своей сути существо, которое живёт не только *хлебом единым*, русский человек всегда *духовной жаждою томим*, до сих пор многое он совершает бескорыстно (современное волонтерство). В перспективе такого подхода к духовному человеку – построение модели религиозной языковой личности на материале религиозной коммуникации.

Лингвисты все чаще отмечают, что без идеи Бога нельзя составить научную картину мира [Славянские 2022]. Достаточно глубоко и всесторонне разработаны в русской лингвистике темы о религиозной картине мира, религиозных концептах и религиозном дискурсе, герменевтике и текстологии сакральных текстов, включая народную конфессиональную герменевтику, например работа Е.М. Верещагина [Верещагин 2007].

Божественное Слово – это вместилище энергии, которая имеет власть над миром, В.И. Постовалова считает, что здесь «работают» «сокровенные моменты лингвистического опыта, относящиеся к области мистической прагматики» [Постовалова 2011; 137].

4. Экология языка. Если не следить за экологией языка, то неизбежен вред не только языку, но и обществу. Формируются разные языковые картины мира у оппозиционеров и министров, рабочих и вузовских преподавателей и т.д., хотя мир один. Разные языковые картины мира затрудняют процессы сотрудничества, в том числе общения, и, что особенно опасно, влияют на культурный код языка и его этические составляющие.

При этом меняется, казалось бы, просто лексика, обозначающая новые понятия, на самом же деле формируются новые социально-идеологические реалии: *ленинопад*, *ковиднутые*, *гейропа*; язык отреагировал и на современные протестные движения: *желтые жилеты*, *медийные провокаторы* и под.

Еще одна опасность: обычные слова в языке переосмысливаются так, что из них исчезает самая суть. Так, *прелесть* первоначально – это *пре-лесть*, т.е. нечистая, дьявольская вещь, со второй половины XX века *прелестный* – высшая степень *прекрасного*. Но в глубинах языка хранится это первичное значение. Почему по-русски неправильно назвать мужчину *прелестным*, *обольстительным*, *очаровательным*, *соблазнительным*? Потому что ВФ этих слов восходит к чарам, колдовству, обману. Так, *прелестный*, по М. Фасмеру, – «прельщающий, обман». По В.В. Виноградову, – «греховный». А.С. Пушкин писал: *И миру музы своенравной / Во лжи прелестной обличу* (Руслан и Людмила). Соблазнительница все-таки женщина – Ева.

Меняется не только лексика, но и грамматика. Если раньше мы говорили «Шестисотый «Мерседес», «Луи второй», т.е. так, как требует русская грамматика, то теперь мы перестаем склонять числительные - «Олимпиада-2026», «Шереметьево-1», даже в названиях художественных произведений встречаем: «2048» (О. Славникова), «2038» и др. Большой перечень того, что угрожает русскому языку, описал М. Кронгауз в своей книжке [Кронгауз 2019].

Однако дело не только в угрозе языку, но и в угрозе всей нации, потому что в языке преломляются основные процессы, доминирующие в социуме, как бы управляя формированием определенных качеств в структуре личности. Как мы знаем, языковые трансформации тоже могут расшатывать традиционные духовные скрепы нации. Например, оторвав те или иные языковые единицы от культуры, мы разрушаем культурный код нации, потому что лингвистика без культурных основ – карточный домик. Язык сам по себе является культурной силой (Малиновский). Достаточно оторвать в языковом сознании сложные слова с составной частью *благо-, досто-, сует-, добро-* (*благословение, благодать, благоговение, благоухание, добронпорядочность, суета* и др.), от их истоков, т.е. от старославянского языка, в который они попали из греческого, как эти слова утрачивают свои глубинные сакральные значения, т.е. лишаются духовной ценности, а вместе с ними теряют ценность и выражаемые этими словами понятия. А ведь язык живет в нейронах мозга в виде архепамяти. *Живот* в ней связан с *жизнью, худой – с худо, тощий – с тоской; водка мягкая, сок добрый, сигареты легкие*. Когда эти связи переформируются в нашей лингвокультуре (*худой* и *тощий* – это замечательно, а *водка мягкая*). Так меняются базовые убеждения человека. И в этом смысле мы становимся жертвой языка.

5. Ценности русской лингвокультуры. Изменившийся мир требует формирования новых ценностей: нужно формировать готовность к переменам вообще, т.к., будучи консервативным, человек не сможет адаптироваться к быстрым изменениям в мире. Отсюда необходимость формирования новых ценностей, новых моральных принципов, новой этики, без которых общество просто не выживет.

Мы понимаем под ценностью цели, ориентирующие человека в его деятельности и детерминирующие нормы его поведения. Ценности – это не просто высшие ориентиры в культуре и обществе, но они занимают значительное место в структуре языковой личности. Ценности лежат в основе тех предпочтений, с помощью которых языковая личность описывает мир.

Для каждой культуры можно разработать параметры, которые будут своеобразными координатами культуры. Такие параметры будут считаться исходными ценностными признаками. Научная белорусская литература утверждает, что главные ценности белоруса – *бескорыстие, коллективизм, «намярконасць»*, патриотизм. Наш материал показал, что это не так. На первом месте – *материальное благополучие* (собственное и детей), в то же время *богатство* стоит чуть ли не на последнем месте.

Ценности формируют культуру. Существует мнение, что национальная культура важнее общечеловеческой: «Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т.е. национальная, индивидуально-народная и лишь в каком-то своем качестве восходящая до общечеловечности. Общечеловеческое значение имеют именно вершины национального творчества» [Бердяев, 2004; 138].

Русское Слово – одна из важнейших ценностей русского народа. «В начале было Слово...» - это утверждение ценности слова, и творческой силы, и начала всего сущего. В подтверждение важности и силы слова можно привести стихотворение

Ивана Бунина «Слово»: *Молчат гробницы, мумии и кости, – // Лишь слову жизнь дана: // Из древней тьмы, на мировом погосте, // Звучат лишь письма...* Мы всегда должны это помнить и хранить чистоту русского слова.

Несмотря на то, что лингвистика начала формироваться в V веке до н.э., строгие законы языка так и не удалось сформулировать, потому что язык живет по правилам, которые допускают недозволенные ходы, ходы не по правилам логики здравого смысла. Примеров тому много: *Он пригласил преподавателя, чтобы учить его.* Почему вопрос, оформляющий побуждение к действию, оценивается как более вежливый? Например, *Вы можете сделать это? Вам не трудно это сделать?* При этом мы знаем, что Я-структуры – более вежливый и более весомый речевой акт: *Я хочу попросить Вас сделать это. Я могу Вас попросить сделать это?* Думается, что они самая вежливая из этих форм.

Далее. Правила языка гласят, что антонимы должны быть противоположны по значению, однако иногда они означают одну и ту же ситуацию: *Чай долго остывает* и *Чай долго не остывает*. Антонимы могут выражать градацию признака, а не его противоположность: *Как можно лучше* = хорошо; *Как нельзя лучше* = отлично. По правилам языка обращение – грамматически независимая категория, которая не входит в структуру предложения. Но обращение на ТЫ и ВЫ – уже в структуре предложения. Язык следует любить и изучать со всеми его противоречиями. Более того, в русистику нужно внедрять данные когнитивистики и теории культуры. Иначе многое останется в языке непонятным: *Работай на скупого – платит дважды*.

Как видим, язык является своего рода зеркалом нашего противоречивого мира. Он способен гармонизировать мир, хотя бы в пределах нашего сознания, создавая стройную картину мира (Б. Уорф, Л. Вайсгербер, Р. Карнап, Б. Расел, У. Куайн, Д. Остин, С. Чейз и др.). Есть мнение, что язык – единственная реальность, данная человеческому сознанию, а границы языка есть границы мира языковой личности (Э. Сепир, Л. Витгенштейн).

Литература

1. Бердяев Н. А. Национальность и человечество / Н.А. Бердяев // Судьба России. Кризис искусства. М., 2004. – С. 101–109.
2. Верещагин Е.М. Русский язык и российское православие: Общефилологическая проблематика / Е.М. Верещагин // Доклад на XI Конгрессе МАПРЯЛ. 17-22 сент. 2007 г. Болгария, Варна, М.: Ин-т русск. языка В.В. Виноградова РАН, 2007. – 77 с.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.
4. Индекс устойчивости русского языка в странах постсоветского пространства (УС-индекс). М.: Институт Пушкина. 2022.
5. Конейкин К. На каком языке говорит с нами Бог // Беседы любителей русского слова: православной духовенство о языке / Материалы круглого стола (Санкт-Петербург, 24 октября 2005 г.) СПб., 2006. С. 11–24.
6. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Corpus, 2019.
7. Постовалова В.И. Религиозные концепты в теолингвистическом представлении / В.И. Постовалова // Хрестоматии теолингвистики / под ред. А.К. Гадомского и К. Кончаревич. Београд: Универзитет у Београду, 2011. С. 6–12.
8. Постовалова В.И. Символ и реальность (семиотические воззрения и опыты Ю.С. Степанова) // Критика и семиотика. Вып. 17. 2012. С. 48–63.

8. Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов. Коллективная монография / Под ред. В.А. Масловой, М.Вас. Пименовой. – Минск, УП «Энциклопедикс», 2017. – 268 с.
9. Степанов Ю.С. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». Калуга, 2010.
10. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация в современной России: Монография. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 152 с.

Нгуен Чан Тхань Ви, Чыонг Мань Хай

(Институт социальных и гуманитарных наук при государственном университете г. Хошимина, Вьетнам)

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «КРАСОТА» В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО И ВЬЕТНАМСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация. В данной статье рассматривается лексическая семантика, обозначающая концепт «красота», развивающийся по идее «эстетическая положительная оценка», в русской и вьетнамской лингвокультурах, что позволяет выявить национально-культурную специфику эстетических ценностей, принадлежащих каждой из данных культур.

Ключевые слова: концепт «красота», русский язык, вьетнамский язык, лингвокультура

Nguyen Tran Thanh Vi, Truong Manh Hai

*(University of Social Sciences and Humanities,
Vietnam National University Ho Chi Minh City)*

THE CONCEPT "BEAUTY" IN THE LEXICAL-SEMANTIC SYSTEM OF RUSSIAN AND VIETNAMESE LANGUAGES

Abstract. This article discusses the lexical semantics, denoting the concept of "beauty", which develops in the idea of "aesthetic positive assessment", in Russian and Vietnamese linguistic cultures. The concept allows us to identify the national-cultural specifics of the aesthetic values of both cultures.

Keywords: concept "beauty", the Vietnamese language, the Russian language, linguistic culture

Концепт «красота» является одним из аксиологических концептов, одним из важнейших ориентиров, которые оказывают большое влияние на человеческое поведение. Анализ характеристик и свойств концепта «красота» при сопоставлении вьетнамской и русской лингвокультур позволяет более четко определить систему ценностей носителей данных культур. Концепт «красота», который рассматривается как оценочное образование, содержит противоположные понятия «красивое» и «некрасивое». Данная статья посвящена описанию и анализу лексической семантики, уточняющей понятие «красивое» концепта «красота», т.е. эстетическую положительную оценку в русском и вьетнамском языках.

Разбираемся прежде всего в этимологическом происхождении слова «красота» в рассматриваемых языках. Корень крас- в русском слове «красота» восходит к праславянскому «krasa», которое, согласно «Этимологическому словарю славянских языков» (ЭССЯ) [Трубачев 1985; 95], имеет самое прямое значение «цвет жизни», затем переносные «красный цвет», «румянец (лица)», «цветение, цвет (растения)» и